

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.15>UDC 94(495).03+355.48+355.233.23
LBC 63.3(0)4-93Submitted: 15.06.2025
Accepted: 18.12.2025

CITIES IN THE WARFARES AND MILITARY ORGANIZATION OF LATE BYZANTIUM

Vladimir A. Zolotovskiy

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The rise to power of the Palaiologos dynasty necessitated a new approach to the organization of the armed forces, which were to become the primary instrument for restoring the greatness of the Byzantine Empire. Generalization of the military practice during the first years of Michael VIII's reign allows us to assume that the recapture of the capital and the conquest of lands, in the Balkans and the Peloponnese, as well as the islands, from a military-strategies view, were aimed at restoring of resource and material base of the defensive system and were ensuring control over sea and land possessions. The purpose of the study is to determine the importance of cities and fortified villages in the warfare and military organization of late Byzantium during the restoration of the empire and the formation of a governance system adequate to current factors. *Methods.* The traditional forms of the empire's border maintenance security included fortification. However, its elements, organizational mechanisms, and operational priorities were not unchangeable and depended on a variety of conditions. It should be noted that the subject of our research was limited to the institutional organizational aspects of the topic and focused on the military-historical reconstruction of the warfare. The priority of narrative sources is dictated by the chosen subject area. *Analysis and results.* To achieve the research objective, an analysis of warfare was carried out. The results suggest that the main purpose of the military operations that were organized in the early Paleologian period in all theaters was the conquest of fortresses, cities, and fortified villages. The defense capability of the empire was ensured by strengthening the network of garrisons. In the context of increasing trends in the decentralization of the military organization's management system, which was created on the basis of elements of the theme system, cities and fortified villages became centers of recruitment and material support for military contingents and garrisons. The narrative sources were written by contemporaries of the events and allowed us to characterize the main measures aimed at strengthening the defense capability of the fortification lines and the network of garrisons.

Key words: History of Byzantium, early Palaeologian period, military organization, theme, fortification.

Citation. Zolotovskiy V.A. Cities in the Warfares and Military Organization of Late Byzantium. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Iстория. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 6, pp. 201-221. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.15>

УДК 94(495).03+355.48+355.233.23
ББК 63.3(0)4-93Дата поступления статьи: 15.06.2025
Дата принятия статьи: 18.12.2025

ГОРОДА В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ И ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ

Владимир Алексеевич Золотовский

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. После прихода к власти новой династии Византия оказалась перед необходимостью выбора подхода к организации вооруженных сил, позволяющей реализовывать планы Михаила Палеолога по возрождению величия империи. Анализ военных действий первых лет правления императора позволяет предположить, что приоритетные военно-политические задачи не ограничивались простым расширением территорий. Отвоевание столицы, захват земель на Балканах и Пелопоннесе, а также завоевание островов с военно-стратегической точки зрения были направлены на восстановление ресурсной и материальной базы оборонительной системы, обеспечивающей контроль над морскими и сухопутными владениями. Цель исследования – определить место городов и укрепленных поселений

в военных действиях и военной организации поздней Византии в период восстановления империи и формирования системы управления, адекватной новым военно-политическим условиям. Анализ военной практики показал, что основной целью кампаний, организованных в раннепалеологовский период на всех театрах военных действий, был захват крепостей, городов и укрепленных поселений. Основной задачей было обеспечение обороноспособности империи за счет укрепления цепи гарнизонов. В ходе исследования было установлено, что в условиях усиливающихся тенденций децентрализации системы управления военной организацией, созданной на основе элементов фемного строя, города и укрепленные поселения становились центрами комплектования и материального обеспечения воинских контингентов и гарнизонов. На основе сведений современников событий были выделены и охарактеризованы основные мероприятия, направленные на усиление обороноспособности фортификационных линий и цепи гарнизонов.

Ключевые слова: история Византии, раннепалеологовский период, военная организация, фемы, фортификация.

Цитирование. Золотовский В. А. Города в военных действиях и военной организации поздней Византии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, №6. – С. 201–221. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.6.15>

Введение. После прихода к власти новой династии Византия оказалась перед необходимостью выбора подхода к организации вооруженных сил, позволяющей реализовывать планы Михаила Палеолога по возрождению величия империи. Анализ военных действий первых лет правления императора позволяет предположить, что приоритетные военно-политические задачи не ограничивались простым расширением территорий. Отвоевание столицы, захват земель на Балканах и Пелопоннесе, а также завоевание островов с военно-стратегической точки зрения были направлены на восстановление ресурсной и материальной базы оборонительной системы, обеспечивающей контроль над морскими и сухопутными владениями. В этой связи очевидным является вопрос выявления ключевого фактора организационного, военно-политического и экономического характера, оказавшего прямое влияние на выбор направлений и форм ведения боевых действий.

Цель исследования – определить место городов и укрепленных поселений в военных действиях и военной организации поздней Византии в период восстановления империи и формирования системы управления, адекватной новым военно-политическим условиям. Достижение поставленной цели предполагает последовательное раскрытие следующих вопросов: определение места фортификационных линий и цепей гарнизонов в военной стратегии; выявление связи городов и укрепленных

поселений с военной организацией, раскрытие их функций и характеристика мероприятий, направленных на усиление обороноспособности фортификационной системы.

Методы и методология. К традиционным формам обеспечения безопасности рубежей империи, прежде всего, следует относить систему фортификации. Однако ее элементы, механизмы организации и приоритетные задачи функционирования не являются неизменными и зависят от множества условий. Следует отметить, что предмет изыскания ограничен институциональными организационными аспектами темы и ориентирован на военно-историческую реконструкцию военных действий. Избранная нами предметная область обусловила приоритетное значение нарративных источников. Вместе с тем она определила исключение из задач исследования вопросов технического характера, связанных с развитием теории и практики полиоркетики и фортификационного дела, требующих специального комплексного изучения. Кроме того, за границами нашего внимания остались проблемы правовой природы строительства фортификационных сооружений на частновладельческих и монастырских землях, поскольку представленная актовыми материалами информация имеет частный бессистемный характер и не позволяет сделать обобщающие выводы.

Анализ. Изыскания в сфере материального обеспечения и факторов усиления

обороноспособности Византии должны быть прямо связаны с формой ведения, а также пространственной обусловленностью стратегии военных действий. Специальное значение в этом вопросе имеет транспортная сеть, а также естественные условия, определившие устройство и расположение оборонительной системы.

Особое географическое расположение империи сделало возможным определение ее границ естественными преградами: горными грядами, долинами, бассейнами рек. Контроль над этими естественными рубежами империи являлся главной стратегической задачей ромейских государей. В периоды обострения отношений с соседями в построении оборонительной системы главное внимание уделялось захвату и обеспечению безопасности проходов через естественные преграды, а также установлению контроля над транспортными коммуникациями. В этой связи на пограничной территории создавалась фортификационная система в виде особых оборонительных линий, состоящих из связанных между собой гарнизонов. Центром управления такими территориями с основой на военные и невоенные ресурсы становились укрепленные города и поселения [64, р. 15; 81, S. 194]. С целью раскрытия их значения в выборе направлений военной действий нами были проанализированы основные военные кампании периода правления Михаила VIII и Андроника II.

Учитывая специфику ведения войны, обусловленную характером военной организации и системой военного управления противников, основная роль отводилась боевым действиям, целью которых были нейтрализация угрозы столице империи. Кроме того, решалась стратегическая задача по обеспечению безопасности территорий, позволяющих контролировать сухопутные и морские пути, связывающие западные и восточные владения империи. В этой связи в ходе восстановления империи Михаил Палеолог столкнулся с необходимостью выбора адекватного средства повышения обороноспособности государства. Реваншистские планы противников, представлявшие реальную угрозу безопасности западных владений и столицы, обусловили сосредоточение всех ресурсов на европейском направлении. Приоритетной целью ведения вооруженной борьбы стало расширение терри-

торий империи с последующим укреплением старых или созданием новых крепостей, составлявших основу западной сети гарнизонов, служивших единственным препятствием на пути продвижения врага по византийским владениям. Захваченные крепости были усилены и включены в систему обороны рубежей империи Михаила Палеолога, составившую продолжительную болгаро-сербо-эпирскую линию фортификационной системы¹.

Стратегическое значение оборонительной системы обусловило необходимость включения в ее состав: крупных городов – πόλεων [53, sec. 45¹⁵, 53⁶, 78²⁷, 85²³; 54, vol. 2, p. 647¹⁰, 653¹¹, 672¹⁸, 703¹¹⁻¹², 727^{6, 24}; 57, vol. 1, p. 272¹²⁻¹³, 451¹⁻², 541¹⁹; vol. 2, p. 188¹⁷, 329⁹⁻¹⁰]; средних по численности и площади укрепленных мест и крепостей – πόλιχνον [53, sec. 11⁴, 11³⁸, 33³⁹, 44⁷⁶, 64⁵⁷, 76²²; 76, vol. I, p. 213¹⁶; 54, vol. 2, p. 615²¹⁻²², 639⁵, 814¹⁹; 57, vol. 2, p. 226¹⁷], πόλισμα [57, vol. 1, p. 327¹⁶⁻¹⁷, 451¹, 462⁷, 470²³, 474¹, vol. 3, p. 310²¹⁻²²], φρούριον [53, sec. 22³⁸, 24²⁴, 30²¹, 33³⁶, 56³⁷, 72⁴⁵, 83²²; 76, vol. I, p. 97²⁵, 99^{8, 10}, 167¹¹, 169², 171²⁴, 173^{3, 25-26, 28}, 227^{2, 5}, 307²⁹⁻³⁰9^{3, 6}; vol. II, p. 421²²-423⁶, 449^{15, 17}, 635²⁵⁻²⁸-637⁵ etc.; 54, vol. 2, p. 633²⁻³, 634⁶; 37, № 100.4; № 111.11–12; № 141.8; № 153.21], κάστρον [53, sec. 22²⁶, 68⁶⁰; 76, vol. I, p. 99⁸; vol. I, p. 393²⁵; 32, № 12.3, № 18.17, № 45.24, № 46.22, № 47.23; 36, № 60.2, 5; № 68.62, 68; 37, № 79.2; № 81.А.2; № 82.2, 23; № 97.16, 17, 20, 21; № 98.10; № 102.47, 49; 33, № 18.13, 19.13, 23.40, 41], ἄστυ [53, sec. 22⁵⁰, 24², 30²⁰⁻²¹, 30²⁹, 33⁶, 36¹⁵, 36⁴¹, 36⁵⁵, 41¹⁰, 43²⁸, 43²², 43⁸⁴, 47¹⁶, 47²³], κωμόπολεων [53, sec. 44⁷⁶], ὁχυρώτατον [53, sec. 57¹³]².

В период правления Михаила VIII *военные действия на западном направлении*, носившие наступательный характер, предпринимались с целью предотвращения формирования врагами империи опорных пунктов. В рамках решения этой стратегической задачи при подготовке к взятию Константинополя в середине 1259 г. состоялась битва при Пелагонии. В этой связи наибольший интерес для нас представляют боевые действия, приведшие не только к повышению общей обороноспособности империи на западных рубежах, но и обеспечившие необходимые условия возвращения контроля над фортификационной линией обороны Константинополя. В рамках подго-

товки к решающему сражению, продвижение эпирской армии в 1258 г. было остановлено на р. Вардар войсками Иоанна Палеолога, расквартированными в укрепленных поселениях на ее берегах [53, р. 139, 150; 76, vol. I, р. 283³⁰–285^{1,3–4}; 54, vol. 1, р. 71^{1–10}]. Одновременно с действиями Михаила II Ангела в Македонии воинские контингенты его союзника Манфреда Сицилийского овладели крепостями в Эпире по Адриатическому побережью [31, т. III, № III, р. 239]³. В ответ на действия противников, весной 1259 г. никейские войска севастократора Иоанна Палеолога, доукомплектованные силами гарнизонов Македонии и Фракии, в результате непродолжительной кампании захватили Охрид и Девол, а также несколько расположенных рядом македонских и эпирских крепостей. Уже к лету этого года большая часть территории Эпира перешла под контроль империи [53, р. 176^{14–16}, 178^{13–16}] (также см.: [72, S. 69]).

Создав необходимый плацдарм, никейская армия, усиленная наемниками и фемными контингентами из Вифинии⁴, а также гарнизонами фем Македонии и Фракии, начала постепенное продвижение к расположению сил противника. Противостояние армий противников завершилось победой войск Михаила Палеолога в открытом полевом сражении, произошедшем вблизи Прилепа, в местечке Борилла Логос [53, р. 180^{17–18}]. После этой битвы и краткосрочной экспедиции на Восток [76, vol. I, р. 141^{1–10}], Иоанн Палеолог продолжил первую западную войну новой династии. Основной целью вооруженной борьбы было усиление обороноспособности системы линейной фортификации, представленной цепью крепостей, в состав которой входили заградительные сооружения. В результате успешных боевых действий никейские войска продвинулись вглубь Эпира, установив контроль над следующими населенными пунктами: «τὰ Κάνινα φρούριον, αἱρεῖ δὲ καὶ τὸ περὶ τὰ Βελλάγραδα καὶ Πόλογον καὶ Κολώνειαν, χειροῦται δὲ καὶ Καστορίαν καὶ Πελαγονίαν καὶ Δεύρας, Τζέρυκόν τε καὶ Διάβολιν καὶ τὴν Πρίλαπον, Βοδεεινά τε καὶ Βόστρον, ἔλλιμνον νῆσον, Πέτραν, Πρέσπαν τε καὶ Στερίδολα καὶ Ἀχρίδαν καὶ τὰ Ιλυριῶν ὁχυρώματα, καὶ ἔως Δυρραχίου φθάνει τὸ δόρυ κινῶν προσβάλλει δὲ καὶ Πάτρα καὶ Τρίκκη» [76, vol. I, р. 151^{9–14}].

Нейтрализация сил Михаила Эпирского и Гийома Виллардуэна, а также восстановление обороноспособности империи позволили Михаилу Палеологу перейти к достижению главной цели – завоеванию Константинополя. В начавшейся долгосрочной кампании армия вновь была сосредоточена на захвате крепостей, но уже с целью создания необходимого плацдарма, позволяющего обеспечить соответствующее сосредоточение сил и средств. Летом 1260 г. никейские войска захватили Силимврио, а также все близлежащие к Константинополю крепости, за исключением Афамия [76, vol. I, р. 157^{8–11}]. С аналогичными целями была организована экспедиция к Галатее [54, vol. 1, р. 78].

Еще одним направлением, обеспечивающим возможность захвата Константинополя и усиления его безопасности со стороны южных сухопутных и морских противников, была Морея, подготовку к военным действиям в которой Михаил Палеолог начал сразу победы в Пелагонии. Каждая из крепостей имела стратегическое значение в составе фортификационной системы империи. При этом часть из них входила во вторую оборонительную линию столицы, оборудованную еще в XII веке⁵.

Фактически сразу после возвращения Константинополя византийские армия и флот начали организацию кампаний, направленных на обеспечение безопасности столицы. В этом вопросе особое место занимали морские владения империи, включенные в систему укреплений, расположенных на пути вражеского флота к столице [79, р. 692]. Так, по данным ромейских источников, летом 1262 г. греческий флот под командованием Филандропина захватил ряд островов и городов⁶, усилив тем самым пассивную безопасность прибрежной зоны византийских владений. Несмотря на военные успехи предшествующего периода, оборонительная линия на юго-западном направлении была временно восстановлена только после перехода под контроль Михаила VIII Лаконии, Монемвасии, Мэнзы, Мистры, Ираклиона и Кинстерны [76, vol. I, р. 123^{22–26}]. Однако уже через несколько месяцев противоборство с Ахайей возобновилось в Лаконии [83, line 4515–4524; 46, р. 59]. Несмотря на усиление войск севастократора Константина Палеолога, паракимомена Макрина и великого

доместика Алексея Фила [76, vol. I, p. 273¹⁻¹⁰], турецкими наемниками, переброшенными из восточных фем ромейскими контингентами [76, vol. I, p. 273¹⁻³], перенаправленными в Моневасию на кораблях македонскими отрядами [61, p. 494]⁷, а также флотом под командованием Филандропина⁸, начавшаяся весной 1263 г. кампания закончилась неудачей. Создание плацдарма в укрепленных поселениях Хельмоса⁹, закрепление в Мицре [46, p. 61; 16, с. 23–24], организация византийскими войсками двух последовательных экспедиций к столице Ахайи – Андравиде [58, p. 116; 83, line 4664, 5016–5052] и осады Никли [83, line 5084–5098], не помогли империи – ромейские контингенты были разгромлены а полководцы пленены [83, line 4709, 4848–4855]¹⁰.

Особое значение цепь крепостей имела в обеспечении обороноспособности империи в сложных географических условиях Балканского полуострова. Прежде всего это проявилось в интенсивности военных действий на болгарском театре. Формально решение пограничного вопроса обеспечивалось заключенным летом 1256 г. «Регинским миром»¹¹. Акрополит, принявший участие в организованной на следующий год проверке состояния пограничных владений перечислил все посещенные им города и поселения: Сервия, Диракхий, Косторин, Охрид, Албанон, Мати (Матит), Дебер, Кичево, Преман, Пресик и Сидерокастрон [53, p. 149⁷⁻²², 150¹⁻⁶]¹².

Условия возвращения Константинополя определили начало нового этапа противоборства Византии и Болгарии [53, p. 190⁴⁻⁷; 54, vol. I, p. 83³⁻¹²; 76, vol. I, p. 191¹²⁻²¹], целью которого вновь стало установление контроля над системой укреплений. Согласно сообщению Пахимера, еще до 1263 г. в нарушение Регинского мира болгарские войска вытеснили ромеев до стен Адрианополя. Все остальные земли на северо-запад контролировались Болгарией [76, vol. I, p. 279⁹⁻¹⁰].

Обеспечение безопасности приграничных с Болгарией владений осуществлялось специальными военными экспедициями. В результате первого похода войска Михаила Главы Тарханиота освободили Филиппополь, крепость Стенимах (*Στενίμαχον φρούριον*) и регион к югу от Хемуса (*ἐξω τοῦ Αἴμου*). Мица получил Месемврию и Анхиал¹³. Сле-

дующий поход Михаила Главы завершился захватом важнейших крепостей черноморского побережья Фракии, районов Загора и Пловдива¹⁴ – Врисис, Скопье, Петры, Агапополь, Созополь, Дебент, Русокастро¹⁵. Месемврия была возвращена под контроль империи [76, vol. II, p. 451¹²⁻¹⁸]. В этой связи следует отметить, что, согласно В.Н. Златарскому, «византийца присоединили и целята нечаянъшка верша, коята била вън от Стара планина, т.е. Съернена гора»¹⁶. Данное предположение соответствует сообщению Мануила Фила, который, повествуя о событиях восстания Ивайло, упомянул о сражениях не только у крепостей – Пиргион, Сотир, Ктения и Этос, Вердица, Монглизон, Крин [69, poem 237, p. 250–251, line 223–239], но и у лежащих по южному склону Съерненой горы крепостей [69, poem 237, p. 248, line 169]: «Βερβρώ δὲ Κώλιαν ἐκ Βεανίτζης, Τὰ δύσμαχα φρούρια τῶι ἀλλοτρίῳ» [69, poem 237, p. 248, line 169, p. 251, line 237–238]¹⁷.

Перенесение Карлом Анжуйским военно-политического противоборства с империей из Мореи к островам Эгейды и в западную и центральную область Балканского полуострова, обусловило начало новых кампаний на западном театре военных действий. Проведя в осенне-зимний период 1274 г. два успешных рейда в Албании, завершенных захватом порта Бутринто и Белгради, Михаил Палеолог направил все усилия на захват двух стратегически важных крепостей на Адриатике – Диракхия и Авлона.

Параллельно с этим¹⁸ в ходе реализации совместной операции сухопутных сил под командованием деспота Иоанна Палеолога и Алексея Каваллария и всего ромейского флота под командованием протостратора Филандропина [76, vol. II, p. 421^{4, 12-16}; 77, № 29751] Византии подчинились города Фессалии и Эпира [76, vol. II, p. 421³⁻⁷, 403¹¹⁻¹⁵]. В результате был восстановлен контроль над сухопутной линией крепостей.

Обороноспособность морских берегов, равно как и безопасность морских путей, была усиlena во второй половине 70-х гг. XIII в. благодаря успешным действиям наемника Ликарио¹⁹. Его морским и сухопутным силам удалось вернуть под контроль империи важнейшие крепости Эвбеи – Каппы, Ларме-

ны, Клисурьи и Мандучо; острова Скопелос, Скирос, Скэфос, Амогос, Киос, Серифос, Астипалос, Санторин и Ферасия, Сталимене (о. Лемнос), Наксос²⁰.

Очередная угроза безопасности Византии на болгарском направлении возникла в ходе развернувшегося летом 1277 г. в Тырновской державе «восстания Ивайло». Захваченный Тырновский престол был атакован с двух сторон: по старопланинской территории продвигалась ромейская армия, а по Добруджинской равнине начали вторжение татары²¹. Имперский корпус Михаила Главы, преодолевая старопланинскую защитную систему выдвинулся по направлению к Тырново через Петриг, Овег и Преслав [24, с. 564]. Данные Пахимера об этой экспедиции явно указывают на то, что по пути войска Тарханиота должны были закрепиться в Галате, Анхиале и Месемврии. Их фортификационные сооружения были необходимы для обеспечения поддержки сухопутного войска военно-морскими силами. Через них экспедиционный корпус получал необходимое снабжение подкреплением и снаряжением. Учитывая географию региона, следующими на пути к столице Болгарии были завоеваны Эмон, Вич и Варна. Таким образом, византийские войска открыли проход к Тырново через Великий Преслав. Завершился поход беспрепятственным проникновением войск Главы в болгарскую столицу [76, vol. II, р. 565²³⁻²⁶].

Следующая кампания, направленная на усиление цепи крепостей на балканском театре, была связана с кратковременным вторжением противника в Македонию. После победы в 1280 г., одержанной над сербскими войсками, выступившими против империи под руководством Котеници (Κοτεανίτζης), «разорившего земли до Серра» [76, vol. II, р. 599²¹⁻²³], ромеями, находившимися под командованием порфирородного Константина [76, vol. II, р. 599¹⁹⁻²¹], были завоеваны Моровист, Скопье, Славица, с храбростью взяты и Пианц, окрестности Стромона и плодородные места около Струмицы, и Деври²².

Начиная с периода правления Андроника II экономические функции города, пригорода и сельских территорий претерпели существенные изменения [70, р. 466–470, 478–481]. Однако в силу особенностей разви-

тия общества их значение в политике только усиливалось (например, см.: [89, с. 269–274]), что предопределило сохранение их роли в военной организации, военной практике и стратегии боевых действий. Так, уже в 1283 г. [76, vol. III, р. 19¹⁹⁻²⁰–21¹⁻³] именно за счет важнейшей крепости Димитриады, перешедшей под управление Византии, была ликвидирована угроза власти императора над Фессалией исходившая от Михаила Ангела [76, vol. III, р. 81¹–83²⁷; 62, р. 38; 73, р. 31]. Восстановление власти над регионом стало возможным не только за счет дипломатических усилий [76, vol. III, р. 83³⁴–85⁵], но и посредством усиления обороноспособности фортификационной линии [76, vol. III, р. 83²⁴⁻²⁷].

Византийско-болгарское противоборство продолжилось в XIV в. Инициатива военных действий, начавшихся в 1304 г.²³, исходила от Феодора Святослава, который, по словам Пахимера, «возгордясь, нападал на соседние Хемосу крепости... так же он нападал и на другие...»: «Ἐν τούτῳ δὲ καὶ Ὁσφεντίσθλαβος τῶν Βουλγάρων ὡς εἴπη τις, βασιλεύς, εἴτε διὰ τὴν ἐκ τοῦ κράλη Σερβίας τῆς ἴδιας ὀδελφῆς διὰ τὸ τοῦ βασιλέως κῆδος παρόρασιν, εἴτε δ’ αὐτὴν αὖθις καὶ τὸν ἐπ’ αὐτῇ γαμβρὸν τὸν δεσπότην ἐπεσχημένον ἐξ αἰτιῶν ὥν ἐλέχθησαν παιρακεκνισμένος, εἴτε καὶ διὰ τὴν τῶν ἡμετέρων δυνάμεων ἔξασθένησιν τῶν βασιλικῶν καταφρονή σας πραγμάτων καὶ οἷον τῆς τών Ῥωμαίων κατεπαρθείς, ἐξ αὐτῆς ὡς εἶχε κατατρέχει τὰ κατὰ τὸν Αἶμον φρούρια. Καὶ πλὴν ὀλίγων τὰ μὲν κατὰ κράτος ἥρει, τὰ δὲ καὶ δι’ ὄμολογίας προσήγετο · προσδόκιμος δ’ ἦν καὶ τοῖς λοιποῖς προσβαλεῖν, εὐκολίᾳ κατροῦ βαρβαρικὴν συμμίξας αὐθάδειαν» [76, vol. IV, р. 445²¹⁻²⁹]. Раскрывая фразу Пахимера о захвате «крепостей по Хемосу», можно с уверенностью предположить, что военные действия велись в регионе причерноморской Фракии – под угрозой были города-крепости Ктения, Россокастро, Созополь, Месемврия, Анхиал и Агафополь: «Ἡσθένουν δ’ αὖθις τὰ κατὰ δύσιν καὶ κακῶς εἶχον ἐξ Ὁσφεντίσθλάβου, Ἐλτιμηρῆ πρὸς αὐτὸν ἀποκλίναντος. Κἀπειδήπερ τὰ κατὰ τὸν Αἶμον ἐδήνουν καξ ὄμολογίας τὰ πλεῖστα ἥηρον, Κτένια καὶ Ῥωσόκαστρον καὶ ἄλλ’ ἄπτα πλεῖστα, ἥδη δὲ καὶ τὰ κατὰ Σωζόπολιν

καὶ Μεσέμβρειαν, Ἀγαθόπολίς τε καὶ Ἀγχίαλος ἐκραδαίνετο καὶ τοῖς ἑτοίμως ἐφέσαν προσχωρήσουσιν, ἐν ἀπόροις ἦν ὁ κρατῶν, καὶ προκαταλαβεῖ τὴν ἐξ τὰ πρόσω ἔφοδον ἔσπευδε» [76, vol. IV, p. 489⁸⁻¹⁴].

Спустя почти два десятилетия занявший в 1322 г. Тырновский престол Георгий II Тертер начал долгосрочную кампанию по захвату византийских крепостей с завоевания Пловдива [57, vol. 1, p. 170⁴] и грабежей пригорода Адрианополя²⁴. В последующие годы гражданской войны империя подчинила болгарские крепости по линии Месемврия – Стилбнос – Кописис [57, vol. 1, p. 172⁷⁻¹⁸].

Все военные действия на восточном направлении носили характер специальных экспедиций, имевших главной целью выдворение за пределы империи группировок противников и обеспечение усиления обороноспособности фортификационных линий, представленных цепью укрепленных городских и сельских территорий и сетью гарнизонов.

Перенесение столицы в отвоеванный Константинополь, а также разбойный характер действий разрозненных турецких отрядов [55, p. 157] позволили Михаилу VIII перейти к обеспечению безопасности малоазийских территорий посредством новой системы обороны. Основываясь на данных о целях восточных экспедиций императорской армии [76, vol. I, p. 289²⁰⁻²¹, 291¹³⁻¹⁴; vol. II, p. 591²⁹–593⁵, 633¹³⁻¹⁷, 635²³⁻³³, 637¹⁻³], можно с уверенностью утверждать, что основой новой восточной военной стратегии было поддержание в функциональном состоянии оборонительной линии Сангарий – Меандр, составлявшей пограничные с турками рубежи²⁵. Малоазийская линия обороны создавалась как система акритских поселений и постов наблюдения, усиленная новыми фортификационными сооружениями и пунктами, формирующая сеть гарнизонов, укомплектованных стратиотами и апелатами²⁶.

Георгий Пахимер сообщает, что сразу же по окончании успешной эпирской кампании 1263 г. [49, p. 92, 149, 154] Иоанн Палеолог направил восточный корпус в Малую Азию [76, vol. I, p. 285¹⁹⁻²¹]. На протяжении следующего года армия севастократора освободила долину Меандра, города Траллы и Магедон от турецких отрядов [76, vol. I, p. 289²⁰⁻²¹, 291¹⁻⁹]. Вторая экспедиция Иоанна Палеолога на восток в

1264 г. также была организована по окончании его западных походов [76, vol. I, p. 317⁸⁻¹⁷; 48, p. 92]. В конце 1270-х гг. после стабилизации внутриполитической ситуации в сельджукском государстве, разбойничьи вылазки турецких группировок закончились опустошением этих земель и разрушением городов [76, vol. I, p. 591²⁹–593⁴]²⁷. Обострение положения привело к смене принципов оборонительной стратегии. Михаил VIII самолично возглавил последний за период его правления восточный поход [76, vol. II, p. 623¹³⁻¹⁵], организованный в 1280 г. с целью проведения соответствующих фортификационных мероприятий р. Сангарий²⁸. Аналогичные действия проводились одновременно по р. Меандру силами Андроника II [76, vol. II, p. 593¹⁴–595¹¹]²⁹.

Предпринятые меры стабилизовали положение лишь на несколько лет. В ходе усиления самостоятельности турецких эмиратов, сформировавших сильные и хорошо организованные армии, они приступили к территориальной экспансии. В результате уже к концу XIII – началу XIV вв. Византия потеряла значительную часть территории³⁰. Временная стабилизация положения Византии на Западе позволила автократору обратить внимание на восточные владения империи. Не добившись существенных результатов повторением мероприятий своего отца [62, p. 76–79]³¹, Андроник II изменил тактику. В 1293 г. император передал малоазийские земли, за исключением Ионийского побережья³², под управление пинкерна Алексея Филандропина (*ἡγεμόνη*) (дука фемы Фракисион), назначив его командующим армией [76, vol. III, p. 237; 62, p. 76, note 82]. Пинкерн оправдал надежды Андроника II. Под его руководством в 1293–1295 гг. ромейская армия нанесла несколько сокрушительных ударов по турецким формированиям и вернула земли в долине р. Меандра под контроль империи [76, vol. III, p. 239⁸⁻¹⁰, 241³⁵⁻³⁶, 243¹⁻²; 54, vol. 1, p. 196; 26, с. 101–102]³³.

Дальнейшие действия на восточном театре военных действий связаны с неудачным походом Михаила IX и алан, принятых в 1301 г. на службу вассалесом. Выступившее против отрядов Османа объединенное ромейско-аланское войско великого этериарха Музалона, в 1302 г. [76, vol. IV, p. 358, note 40; 62, p. 90–91, note 14] понесло сокрушительное поражение

в первом же столкновении с противником и было вынуждено отступить к Никомидии [76, vol. IV, p. 359⁴⁻⁷, 365⁸⁻³², 367¹⁻¹⁹]³⁴. Аналогичная участь постигла и войско Михаила IX, организовавшего экспедицию к югу от Магнисии против турок эмирата Ментеше [76, vol. IV, p. 339²⁹⁻³⁰, 343, 345, 347, 349, 351]. Слабость византийской армии на Востоке привела к захвату в 1304 г. Эфеса отрядами Сасы-бяя и Айдыноглу Мехмед-бяя [65, p. 20–25; 86, S. 39–41]. К 1305 г. турецкие войска завоевали практически все западное малоазийское побережье, за исключением Адрамиттия и генуэзской Фокеи [65, p. 24, 50]. Неспособность ромеев противостоять турецкой экспансии вынудила Андronика II нанять многочисленную компанию каталонских наемников, в задачи которых входило освобождение византийских крепостей Анатолии и Вифинии и усиление их обороноспособности [76, vol. IV, p. 635¹⁸⁻²⁰].

Единичные экспедиции, организованные для сокрушения полевых армий противника на западном театре боевых действий, также завершались боестолкновениями у крупнейших городов. Очевидно, на принятие таких решений оказывали влияние два основных условия. Прежде всего, в случае организации дальней военной экспедиции, осуществляемой в рамках долгосрочной военной кампании на конкретном театре военных действий, ромейские города использовались как форпосты. Крепостные стены, наличие вблизи с крупным городом укрепленных поселений, обеспечивали возможность безопасного сбора дополнительных воинских контингентов, необходимого вооружения, а также запасенной заблаговременно провизии. Это позволяло действовать на отдаленных театрах военных действий даже в случае дезорганизованности служб тылового обеспечения. Кроме того, проведение решающего полевого сражения вблизи городов, создавало условия более безопасного лагерного поста.

Указанная тактика использовалась при организации долгосрочной кампании по отвоеванию Константинополя. Как мы уже упоминали, на первом этапе кампании, войдя во Фракию для формирования военно-оперативного пространства, никейцы отвоевали Силимврию, а также все близлежащие к Константинополю крепости, за исключением

Афамии [76, vol. I, p. 157⁸⁻¹¹]. Занятые пункты не только ограничивали материальную базу и оборонительный потенциал противника, но становились плацдармом для обеспечения эффективной разведывательной деятельности, нанесения перманентных ударов по опорным пунктам латинян с целью их истощения³⁵, а также, возможно, ослабления бдительности обороняющихся. Повторное размещение в 1261 г. никейских войск Алексея Стратигопула на лагерный пост в Силимврии по завершении непродолжительного марша [76, vol. I, p. 191²⁴⁻²⁷; 54, vol. 1, p. 83¹⁹], позволило провести доукомплектование, усилить материально-техническое обеспечение, организовать соответствующие разведывательные мероприятия и, как результат, завершить кампанию отвоеванием столицы³⁶.

Очевидно, что обозначенные выше задачи в истории противостояния латинян и ромеев в начале 1280-х гг. решала крепость Белград (Берат). По данным Пахимера, Карл прибыл в Канину, игравшую роль плацдарма, с тремя тысячами конных и пеших воинов для последующего продвижения к Фессалонике и далее к столице Византии. Отправным пунктом кампании должен был стать именно Белград, явившийся последней целью Карла Анжуйского на пути к Константинополю [76, vol. II, p. 641²²⁻²⁶].

Результат. Ведение большинства военных кампаний с целью захвата городов было связано не только с их военно-техническим назначением, а также ролью в экономической и административной жизни государства, но и их прямым отношением к формирующейся в начале палеологовского периода системе военной организации, комплектования и снабжения вооруженных сил. Именно в этой связи мероприятия по усилению обороноспособности сети гарнизонов и линии крепостей завершали практически каждую военную кампанию или экспедицию. Прежде чем оценивать эти мероприятия в контексте изучаемой темы необходимо выявить специфику системы военной организации в срезе механизма комплектования и обеспечения, а также конкретизации военных обязанностей, которые лежали в их основе.

Проблема специфики материального обеспечения и принципов комплектования, а

также управления вооруженными силами Византии палеологовского периода неоднократно попадала в поле зрения авторов как специальных, так и общих работ по истории Византии. При этом само содержание проблемы раскрывалось через анализ особенностей фемного строя и роли института пронии в военной организации. В частности, ряд исследователей предположили сохранение фемной системы как основы военной организации [20, с. 2, 7, 13, 22–23, 29; 47, р. 130sq.; 38, р. 125–127, 137, 163; 50, р. 95–102; 8; 9]. Другие же обосновывали концепцию преобразования системы комплектования вооруженных сил с основой на институт пронии [15; 74, esp. р. 355–360; 44, esp. р. 347–348; 43, bes. S. 270–271; 45, esp. р. 164–169, 182–184, 186, 189, 238–239; 87, σ. 21–23, 28–32; 60, р. 75–82, 101–118, 216].

Поскольку глубокий анализ двух противоположных направлений в историографии не входит в рамки предметного поля нашего исследования, считаем необходимым лишь отметить, что вторая из представленных концепций, ориентированная на понимание условий комплектования и содержания кавалерийских контингентов, фактически оставляет без внимания вопрос организации и обеспечения службы пехотных подразделений. Вместе с тем военно-административный аспект представленных подходов определенным образом может прояснить вопрос о порядке и условиях формирования полевых армий и гарнизонов.

Раскрытие роли и места укрепленных городов и гарнизонной службы в системе военной организации палеологовского периода должно быть основано на понимании системы комплектования и военного управления. В этой связи особого внимания заслуживают сохранившие свое научное значение в вопросах изучаемой темы концепции, противоположные друг другу в выводах о системе управления на макроуровне и близкие в понимании региональной военно-административной системы.

Прежде всего следует отметить точку зрения Э. Арвейлер, предположившей сохранение в поздний период традиционной структуры фемной организации, при незначительными по сравнению с XII в.³⁷ территориальными изменениями [38, р. 127, 137, 163]. В результате дробления фем на малые административно-территориальные

формирования, их основной структурной единицей стали катепанства, не имевшие специального органа управления и состоявшие из городов с прилегавшими к нему землями [38, р. 125–126]. При этом города находились под контролем дуки, который управлял фемой через кастрофилаксов и прокафименов. В обязанности последних входили управление городским отрядом милицейского контроля и командование гарнизоном [38, р. 127].

С другой стороны, представляет интерес мнение Л. Максимовича о том, что, из-за усилившейся тенденции к дроблению провинциальной организации [15, с. 26–27, 30], фемы были заменены катепаникюнами во главе с кефали [15, с. 31, 42, 50]. Кефали, как орган власти, контролирующий комплектование и обеспечение местных контингентов, посредством прямого руководства кастрофилаксами осуществлял общее командование регулярными войсками, состоявшими прежде всего из гарнизона [15, с. 89, 106, 109–110].

Результаты проведенного исследования позволяют признать обоснованным вывод обоих авторов о децентрализованном характере военного управления, который, в контексте развития системы комплектования и командования вооруженными силами, стал дополнительным определяющим военную политику фактором. В этой связи, возвращаясь к основным положениям, представленных нами в предшествующих работах, в контексте предмета настоящего исследования, сделаем следующие замечания.

Придерживаясь ранее нами высказанного суждения, отметим, что фемная система в раннепалеологовский период оказывала прямое влияние на выбор направлений развития военной политики и общеимперской военной практики. Выступая в данных вопросах определяющим фактором, она как институциональное явление была основой системы управления организацией вооруженных сил на провинциальном уровне. Это проявилось в сохранении главных принципов функционирования провинциальной администрации, выраженном в традиционном наделении конкретных лиц высшими гражданскими (преимущественно фискальными) и военными полномочиями (командование отрядами, обеспечение безопасности).

Нarrативные источники и акты содержат упоминания о главах фемной администрации, наделенных как военными, так и гражданскими функциями. Здесь следует подчеркнуть, что в ряде случаев на должностях кефали и дуки назначались военачальники, наделенные титулами, официально связанными с военно-командными полномочиями: Иоанн Палеолог – протосеваст, протовестиарий, паниперсеваст, кесарь [54, vol. I, p. 394; 57, vol. 1, p. 211, 214; 77, № 21435], Феодор Хумн – великий стратопедарх [54, vol. 1, p. 408–409; 57, vol. 1, p. 268], Сиргианн Палеолог Филандропин – пинкерн, мегадука [69, vol. 1, поэм 71, р. 244–245; vol. 2, поэм 96, р. 147; 54, vol. 1, р. 497–498], Иоанн Тарханиот – доместик [31, t. V, № XXI, р. 119], Андреа Мориско – адмирал, логофет стратиотикона [57, vol. 2, р. 556, 573, 583, 607], Дука Нестонг – великий этириарх [77, № 20725]. Упомянутые нами полководцы названы в источниках стратигами и архонтами, главами [54, vol. 1, р. 186–191; 76, vol. II, р. 417^{21–26}; vol. III, р. 93^{2–6}, 121^{9–123}, 203^{31–32}, 205^{1–2}; vol. IV, р. 469^{6–12}, 471^{16–20}, 489^{22–491}], стратигами и игемонами [76, vol. III, р. 203^{31–205}, 237^{12–18}, 285^{12–22}, vol. IV, р. 379^{9–15, 21–23}], стратигами и апографевсами конкретных территорий (обзор встречающихся упоминаний см.: [15, с. 66–69]), названия которых совпадают с наименованием фем, известных со времен Комнинов ³⁸. Не ставя перед собой задачу конкретизации частных аспектов службы каждого из упомянутых полководцев, остановимся на предположении о том, что так поименованы главы воинских формирований городов или фем – кефали и дуки соответственно.

Особенности системы управления и обеспечения гарнизонной и пограничной службы позволяет установить анализ реформы акритской службы. Помимо стратиотов, живших во всех провинциях империи, восточные рубежи Византии охраняли акриты ³⁹, занимавшие промежуточное положение между войском и гражданским населением. Пограничники использовались в военных операциях на обширной территории – от Никеи до Магнисии и Филадельфии [76, vol. I, р. 99¹⁴, 193¹⁸, 222¹⁵]. Они составляли контингент крепостных гарнизонов, вооруженный луками [76, vol. I, р. 261^{23–24}], хорошо обученных и эффективно

использовавших знание местности в боях [76, vol. I, р. 261^{23–33}, 263^{1–11}, 263^{15–26}].

Акритов, переведенных в ходе реформы на более профессиональную основу, под управление и на обеспечение прониаров, на время западных кампаний, мобилизовывали и включали в состав полевой армии. Возможно, именно из числа этих акритов и пополнялись гарнизоны отвоеванных городов. После завершения крупномасштабных военных действий на западе малоазийские части возвращались в свои фемы, в то время как фракийцы и македонцы распускались по домам или распределялись по гарнизонам [76, vol. I, р. 121^{21–22}, 151^{9–14}, 285^{3–4}, 295^{13–15}; vol. III, р. 83^{20–28}] ⁴⁰. Основываясь на представленной нами концепции реформы акритской службы, можно предположить, что палеологовская модернизация фемной в основе военной организации, в части системы управления выражалась в наделении прониаров правом попечения и командования стратиотским ополчением на востоке ⁴¹.

Помимо фемных формирований гарнизонная служба обеспечивалась наемными контингентами. Эта практика имеет глубокую традицию. Чаще всего гарнизонная служба становилась одним из направлений военной деятельности наемников-кочевников [27; 17, с. 24, 32; 18, с. 177–178]. В изучаемый период они использовались как в Константинополе [76, vol. I, р. 253^{7–9}], так и в гарнизонах Малой Азии [76, vol. IV, р. 379^{14–15}]. Компенсировать недостаток ромейских гарнизонов должны были наемники-латиняне. К примеру, Пахимер, описывая события Каталонской кампании, сообщает о намерении Рожера де Флора усилить оборон способность гарнизонов восточных крепостей, оставляя в каждой из них небольшой отряд своих воинов [76, vol. IV, р. 635^{19–21}].

Проведенный анализ позволяет предположить, что фемные провинциальные контингенты от начала комплектования до ведения военных действий находились под полным контролем провинциальной администрации, реализованной в безусловной связи с территориальной принадлежностью и сохранением традиций военно-территориального управления, в лице дуки и кефали. Важнейшей обязанностью стратиотов и прониаров было участие в формировании военного ополчения

и несении воинской службы. Из числа местных стратиотов, проживающих в городской округе и на землях, связанных с укрепленными поселениями, формировались гарнизоны. Очевидно, что дополнительные функции, закрепленные за центрами фем были связаны с несением гарнизонной службы, обеспечением провизией, материальным снабжением войск и содержания боевых подразделений на время расквартирования.

Контроль и руководство реализацией этих задач, в зависимости от региона, возлагались на главу провинциальной или местной администрации. При этом их исполнение, безотносительно региональной специфики системы военно-территориального управления, соответствующим образом перераспределялось на жителей городов и сельских поселений, являвшихся основой «провинциальной административной сети» и находившихся под управлением кефали [41, р. 275–297, esp. 279–297; 42, р. 175–209; 60, р. 157–196, esp. р. 169]. В этой связи показательны результаты просопографического исследования, проведенные А. Кондояннопулу [88, с. 319–323]. Полагаем, что упоминаемые в источниках случаи сбора налогов в фемах с последующей передачей денег на выплаты жалованья местным стратиотам (например, см.: [76, vol. I, р. 33^{20, 6-9}, vol. IV, р. 681⁵⁻¹²; 54, vol. 1, р. 138¹⁰⁻¹²]) со всей очевидностью свидетельствуют о том, что конфликты, возникавшие между центральной властью и провинциями на фоне фискальных мероприятий⁴², порождались, в том числе, закрепленной за дуками и кефали обязанностью содержать фемные контингенты.

Состояние военного управления, комплектования и материального обеспечения городов как основных элементов оборонительной системы определяет и их *функции* в военной организации. В виду темпов изменения границ Византии, а также сохранения фемного строя как основы военной организации, воссоздание традиционных механизмов и форм оперативного и тылового обеспечения в пределах восстанавливаемой в раннепалеологовский период империи было фактически невозможно. Безусловно, все указанные вопросы прямо связаны с соответствующими механизмами материального обеспечения вооруженных сил. Воины-стратиоты в дей-

ствовавшей системе получали оплату только на период мобилизации. Традиционно выплаты жалованья обозначались следующими терминами: *ρόυα* – прямые денежные выплаты; *σιττρέστα* – продовольственный паек или деньги на покупку продовольствия, *δύνα* – деньги на закупку товаров, продовольствия. При этом часть расходов на содержание малых гарнизонов и патрулей, а также их размещение в виглах компенсировалась средствами, получаемыми от взимания с крестьянских домовладений виглиатикона [40, № 58.49; № 72.68] (также см.: [35, Appendix, line 15, 18, 30, 38, 46, 62, 73]).

Таким образом, выплаты воинам были прямо связаны с потребностями войска в продовольствии. Если в казне не хватало средств, императоры прибегали к сбору добровольных пожертвований жителей [76, vol. IV, р. 629⁷⁻¹⁸] или же организовывали сбор экстраординарных налогов для пополнения казны и выплаты жалования стратиотам [76, vol. IV, р. 681²⁻⁷]. Анализ источников позволяет предположить, что снабжение продовольствием и ряд иных видов материального обеспечения формально находились в ведении казны. Однако на практике они являлись повинностью, возложенной на население городов и укрепленных поселений как мест дислокации и обеспечения контингентов.

Полагаем, что среди наиболее распространенных терминов, обозначавших продовольственную повинность для военных нужд, были *ψωμοζημία* и *σιταρκία*. Если *ψωμοζημία* известна со средневизантийского периода как обязательства, связанные с принудительными поставками войскам и хранения различных видов пищевых и питьевых продуктов [34, № 10.61; 40, № 72.65], то *ситаркия* (как следует из источников, имперская подать (имперский налог))⁴³, согласно мнению Н. Икономидиса, появилась в империи в XIII в. [75, р. 1037]⁴⁴. Ситаркия заменила ранее существовавшую обязанность доставлять продукты в форме натуральной подати, и взымалась с городского населения как обязательная и предназначенная для обеспечения крепости продовольствием [75, р. 1037].

Снабжение войск в поздний период производилось и другим, более традиционным для империи способом. По данным Скутариота,

для создания продовольственных резервов Иоанн Ватац приказал собрать все необходимое, выращенное в империи и императорском домене, включавшая зерно, мясо, сало, масло и т. д. [82, p. 286⁴]. Пахимер использовал термин ситаркия как обозначения формирования припасов, сообщая о том, что Иоанн Ватац «ὅπλοις καὶ σιταρκίαις ἐπετείοις φέρουν» крепости Триполи в Малой Азии [76, vol. IV, p. 477²⁻³] ⁴⁵.

Проведение аналогичных мероприятий характерно и для правления Палеологов. Самый яркий пример относится ко времени сразу после отвоевания Константинополя. С целью усиления обороноспособности возвращенной столицы было восполнено продовольствие на складах, увеличены запасы соленого мяса, сыра, фуража для лошадей [76, vol. I, p. 251¹⁹⁻²⁶]. Для увеличения самодостаточности в пределах города располагалось многочисленное стадо коров, расширялись пахотные угодья ⁴⁶. Кроме того, в повествованиях о военных событиях периода правления первых Палеологов, Пахимер неоднократно сообщал о требованиях императоров к заготовке продовольствия городами [76, vol. I, p. 99⁴⁻¹⁰; 139⁷⁻⁸; vol. II, p. 469¹⁻⁸, 637³⁻⁵; vol. IV, p. 663¹⁶⁻¹⁸, 687²⁴⁻²⁷, 689⁹⁻¹³]. Создание запасов провизии и ее хранение в условиях крупномасштабных кампаний было одной из основных функций городов в военной практике ⁴⁷.

Децентрализация системы материального обеспечения византийских контингентов, вместе с невозможностью удовлетворения потребности войск в продовольствии через повинности, возложенные на население (ситаркия), а также необходимостью сокращения расходов на содержание войска в походах вынуждали военачальников организовывать реквизиции. В этих условиях именно города становились источниками провианта для воинских контингентов, находящихся в дальних экспедициях. Так, войска великого стратопедарха Иоанна Синадина и великого коноставла Михаила Каваллария, направленные в 1277 г. на подавление мятежа Иоанна Ангела, «устремились на крепость Фарсалу... [чтоб] набрать припасы в крепости (ἐφ’ ϕ σιταρκοῦν τοὺς ἐν τῷ φρουρῷ), напали исподтишка на незаконнорожденного Иоанна» [76, vol. II, p. 527¹⁻⁵]. Повествуя о втором походе к Димитриаде, осуществлённом противостоянием Михаилом Тарханиотом, Пахимер сооб-

щает о том, что после расположения лагерем у крепости, часть войск была направлена на изъятие провианта [76, vol. III, p. 83²⁰⁻²⁷]. Поясняя причины нехватки денег в казне в период войны двух Андроников, Кантакузин акцентирует внимание на том, что крестьяне как основные налогоплательщики оставляли свои деревни, которые постоянно подвергались ограблению как со стороны войск Андроника II, так и гарнизонами, посылавшимися для их защиты [57, vol. I, p. 136^{24-137⁹}].

Реквизиции продовольствия и фуража в городах, пригородах и сельской местности в палеологовский период становились одним из важнейших, а иногда и единственным [59, esp. p. 164, 174], источником обеспечения принятых на службу наемных контингентов. Большинство этих случаев относится к началу XIV в. и связано с действиями турок, алан и каталонцев ⁴⁸. В отдельных случаях, как, например, при принятии на службу алан, когда империя должна было обеспечить их военным снаряжением и транспортом, такие реквизиции носили официальный характер. По сообщению Пахимера, Андроник II выделил им не только принадлежащих стратиотам лошадей, но и передал продовольствие, собранное в Македонии и Фракии [76, vol. IV, p. 339⁸⁻¹⁰], а также выплатил жалованье вождям (мегистанам) алан, в том числе за счет опсония [76, vol. IV, p. 339¹⁰⁻¹²] ⁴⁹.

Отметим, что, учитывая традиции централизованной системы управления в Византии, в том числе в вопросах материального снабжения и тылового обеспечения [19, c. 48–50, 77–80, 130–137; 3], можно было бы предположить ее сохранение в рамках организации снабжения фемных контингентов в палеологовское время. Действительно, согласно трактату Псевдо-Кодина, в системе военно-административно управления, существовали должности стратопедарха и великого стратопедарха, которые формально были назначены к обеспечению контроля за снабжением воинов надлежащим довольствием в системе провинциального и центрального управления [78, p. 137, 139, 154²⁰⁻²⁷, 165¹⁶⁻²⁷] ⁵⁰. Однако приведенные ранее примеры источников и форм материального обеспечения свидетельствуют о ее связи с прямой личной обязанностью конкретных полководцев, а также городов и

поселений, вошедших в пространство военных кампаний. Таким образом, представляется очевидным, что именно на фемной основе, лишенной в изучаемый период централизованной системы управления, обеспечивалась гарнизонная служба, включающая в себя не только собственно воинскую службу, но и обязанность по сбору провианта и иных материальных ресурсов, необходимых для ведения обороны во время осады.

Роль городов и укрепленных поселений в военной политике раннепалеологовского периода прямо связана с их военно-техническими функциями и местом в военной организации. Обороноспособность цепи гарнизонов обеспечивалась не только материальным потенциалом самой фортификационной системы.

Фортификационные мероприятия, реализуемые в целях решения задач по удержанию, или захвату крепостей и последующего усиления их обороноспособности, проводились как после отвоевания их у противника в рамках окончания наступательных операций, определяемых общей стратегией активной обороны на западе, так и в ходе восточных экспедиций, обусловленных необходимостью поддержания надлежащего состояния крепостей и укрепленных местностей. В этой связи, особое значение придавалось знаниям, накопленным византийской полиаркетикой. Прежде всего, это выражалось в организации и технологии строительства новых стен [84, р. 376³⁴³⁻³⁴⁹, 350-352, 363-367], усиливших уже существующих оборонительных сооружений [84, р. 370²⁶³⁻²⁸⁵, 378^{378-380, 389-393}], использовании протейхизма [84, р. 374³¹⁷⁻³²⁰], а также заготовки воды, провианта и усиливших самих гарнизонов [84, р. 368²⁵⁶-370²⁵⁸, 372²⁹³⁻²⁹⁷, 376³⁵²⁻³⁵³]. Согласно традиции [84, р. 362151-364182) при осаде и обороне городов использовали осадные и метательные орудия. Чаще всего они обозначались в нарративных источниках общим термином τὸ μηχάνημα [76, vol. I, р. 309⁷; vol. II, р. 465¹⁷, 571²⁹, 643¹⁶] или специальным техническим – πετροβόλον μηχάνημα [76, vol. I, р. 173¹⁴⁻¹⁵; vol. II, р. 467⁷; vol. III, р. 267^{7, 12}; vol. IV, р. 483³⁰, 485⁶, 541²⁵⁻²⁷]. Кроме того, в осадных действиях применялись известные классической византийской полиаркетике и навмахике передвижные башни – ἡ ἐλέπολις, покрытые кожей [76, vol. IV, р. 665²²⁻²⁴; vol. III, р. 239¹⁷⁻²⁰].

Согласно данным современников, к общим мероприятиям по усилению обороноспособности цепи гарнизонов, отдельных городов и поселений относятся увеличение гарнизонов за счет пополнения, сбора и заготовки запасов провизии. Фактически, общим местом в характеристике этих мероприятий в источниках является простое, никак не конкретизированное упоминание об укреплении городов и поселений. Отметим, что авторы этих сообщений немногословны и использовали в своих описаниях самые общие выражения. Именно в такой форме, подчеркивая проведение мероприятий по увеличению запасов провизии и фуражка, а также численности гарнизонов, сообщает Пахимер в изложении событий экспедиций Иоанна Палеолога после сражения у Пелагонии [76, vol. I, р. 141¹⁻¹⁰, 271¹³⁻¹⁷, vol. II, р. 421¹⁹⁻²³]. Приграничные оборонительные пункты были усилены и в период сдерживания болгарской угрозы, исходившей от отрядов мятежника Ивайло [76, vol. II, р. 551²⁴⁻²⁶].

В отдельных случаях под влиянием географических и военно-политических факторов, связанных, в том числе, с характером боевых действий противников, объемом военной угрозы и количеством их вооруженных сил, фортификационные мероприятия могли иметь специальный характер. В этой связи общим местом являлось возведение новых фортификационных сооружений. Чаще всего современники сообщают об увеличении высоты и толщины крепостных стен, постройке новых крепостей, башен, рытье рвов и возведения валов. Так, в ходе второго эпирского похода Иоанн Палеолог подчинил и обустроил захваченные земли, «возвел крепости и установил сторожевые посты» [76, vol. I, р. 153³⁻⁴].

Михаил Палеолог провел комплекс мер по усилению обороноспособности Константинополя после его освобождения. Первочередной задачей стало восстановление крепостных стен и сооружений со стороны суши [76, vol. I, р. 219²⁰⁻²¹, 223³⁻⁴]. Одновременно с этим была укреплена линия морской обороны, пострадавшая от природного воздействия ⁵¹. Учитывая тактику штурма 1204 г., Михаил Палеолог увеличил высоту стен, используя менее сложные к применению высокие деревянные щиты (кровли), усиленные огнезащитным покрытием [76, vol. II, р. 251^{8-9, 26}, 253¹⁻⁴, 469¹⁵⁻²⁶].

Последняя восточная экспедиция Михаила VIII в 1280 г. была направлена на создание фортификационной линии, представленной рвами, валами, крепостными стенами и засеками [76, vol. II, p. 623¹³⁻¹⁵]⁵². По сообщению Пахимера, в ходе начавшейся кампании весной 1281 г. ромеи провели значительную фортификационную работу [76, vol. II, p. 633¹³⁻¹⁷]. Во многих местах возможного перехода через реку по приказу императора были установлены засеки [76, vol. II, p. 635²³⁻³³–637¹⁻³]. По берегам реки Сангарий были укреплены или возведены стены, оснащенные малыми крепостями [76, vol. II, p. 637⁴⁻⁶]. Вместе с походом Михаила VIII в 1280 г. была организована экспедиция Андronика II [76, vol. II, p. 593⁴⁻¹¹]. Войска молодого императора, продвигаясь по реке Меандр, также обустраивали оборонительные укрепления и при необходимости создавали новые⁵³. Такие масштабные мероприятия, требовавшие значительного времени и существенных затрат людских ресурсов, завершились лишь в 1282 году.

Последующее обострение ситуации на восточных рубежах было обусловлено потерей функциональности большей части фортификационной системы, возведенной Михаилом VIII. Данные Пахимера об изменениях во второй половине 90-х гг. XIII в. берегов рек [76, vol. IV, p. 363⁹⁻²⁵, 365¹⁻²; 13, с. 291], которые являлись пограничными линиями и несли в себе все вышеперечисленные фортификационные сооружения, позволяют предположить, что именно природные факторы сделали неэффективными элементы пассивной обороны, составлявшие основу оборонительной стратегической концепции Византии на восточном фронте. Окончательное разрушение этих укреплений стихией в последующем, по мнению Пахимера, сделало византийские границы совершенно беззащитными перед турецким вторжением, усилившимся в связи с укреплением власти турецких эмиров [76, vol. IV, p. 365²⁻⁸; 13, с. 291].

Широкий перечень фортификационных мероприятий был предпринят в 1285 г. частью войск протовестиария Михаила Тарханиота, расположенных лагерем у Димитриады в ожидании начала боев с армией Михаила Ангела [76, vol. III, p. 83²⁰⁻²⁴]. Воины отдельной группировки войск Михаила Главы, задействованной

в фортификационных работах, возвели вокруг Димитриады двадцать четыре деревянные башни, усиленные двойным рвом, один из которых был наполнен водой [76, vol. III, p. 83²⁴⁻²⁷].

Особый интерес вызывает масштабная постройка новых линий фортификации из оборонительных стен «τεῖχος», связывающих между собой отдельно стоящие обустроенные сторожевые посты – виглы (βίγλας) и «крепостные» башни (πύργος). Самый яркий пример крупномасштабных фортификационных работ связан с возведением у Христополя в 1308 г. длинной стены, преграждавшей каталонцам путь к отступлению на Восток. Как сообщает Григора, по распоряжению Андronика II у Христополя «от моря до вершины близлежащей горы» была возведена длинная стена с целью воспрепятствовать возвращению каталонской компании во Фракию, или же ее последующему передвижению в Македонию: «πέμψας γάρ πρῶτον μὲν τὸ περὶ τὴν Χριστούπολιν μακρὸν ἔκτισε τεῖχος ἀπὸ θαλάσσης μέχρι τῆς τοῦ παρακειμένου ὄρους ἀκρωνυχίος· ὡς ὅβατον εἶναι τὸ χωρίον καθάπαξ μὴ βουλομένῳ τῷ βασιλεῖ τοῖς τὸ ἐκ Μακεδονίας ἐς Θράκην ἐθέλοντι διαβαίνειν, τοῖς τὸ ἀπὸ Θράκης ἐς Μακεδονίαν» [54, vol. I, p. 246²⁻⁶]⁵⁴. Очевидно, что охарактеризованные нами мероприятия по строительству и усилению оборонительных укреплений, требовавшие использования больших объемов материальных ресурсов, осуществлялись за счет средств, получаемых от взимания кастроктисии, являвшейся обязательной податью [40, № 72. 66; 60, p. 160], освобождение от которой было проявлением величайшей милости императора [29, с. 46; 85, esp. с. 44–45, 49–57; 40, № 58.46].

В завершение отметим, что особое распространение в практике постройки оборонительных сооружений получили пирги, возводимые как часть комплекса укреплений в сельских владельческих и монастырских территориях. Как показали результаты изысканий Ю.Я. Вина, защитное назначение отдельных или объединенных стенами пиргов, возведенных на светских сельских землях не вызывает вопросов [4, особ. с. 204–205, 207–208, 215–217]. Однако в отношении монастырской фортификации, следует признать обоснованным суждение К. Смирлиса о том, что время, условия и характер таких построек

определить не представляется возможным [81, S. 193–195]. Из общих выводов следует согласиться также с мнением о том, что пирги как дополнительные к крепостям, усиливающие оборонительные линии сооружения [81, S. 193], получают массовое распространение в поздний период [63, р. 103; 81, р. 196–197]. Полагаем, что выделенные тенденции также являются следствием изменений в системе военного управления и обеспечения обороноспособности империи, вынуждающей крупных землевладельцев брать на себя обязательства по усилению защиты и безопасности собственных территорий.

Выводы. Подводя общие итоги исследования, можно сделать следующие выводы. Выбор цели военных кампаний на всех театрах был обусловлен особым военно-стратегическим значением укрепленных городов и поселений. Они являлись базовым средством обеспечения обороны рубежей и усиления безопасности владений. Особое значение городов и укрепленных поселений, составлявших единую систему обороны, очевидно, определяло пространственную организацию и выбор направлений военных действий.

Структурные изменения в военной организации привели к необходимости создания новой системы обороны границ, позволяющей оперативно реагировать на вражеские вторжения, не дожинаясь вооруженной поддержки из столицы. При нападении противника безопасность территорий обеспечивалась местными контингентами, формируемыми в административных центрах и осуществлявшими оборону конкретных городов, в том числе силами соседних укрепленных пунктов общей административно-территориальной единицы. Значение укрепленных городов и поселений усиливалось тем, что в условиях децентрализации системы управления именно они становились определяющим элементом состояния системы фортификационных линий, комплектования и обеспечения сети гарнизонов и имперской полевой армии. Этот же фактор обусловил роль провинциальных структур в проведении общих и усилий центральной власти в организации специальных мероприятий по укреплению обороноспособности рубежей империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Относительно аналогичного процесса создания трех схожих линейных оборонительных систем вдоль границы с Болгарией см.: [22, с. 19–20].

² Обоснование правомерности использования данных терминов и классификации византийских городов в указанный период см.: [25, с. 133, прим. 13, 14, с. 132–134]. Дополнительно см.: [60, р. 157–158, 163].

³ В территорию входили: Диракхий, Белград, Авлон, близлежащие горы [31, т. III, № III, р. 240].

⁴ Согласно данным источников, успех никейской армии был обеспечен участием в сражениях многочисленных отрядов прославленных вибинских лучников [53, р. 180^{13–15}; 68, S. 40; 83, line 3591].

⁵ Подробнее об этом см.: [79, р. 692–693].

⁶ Именно под командованием протостратора Филандропина [76, vol. I, р. 27311] императорский флот захватил Наксос, Парос, Кос, Каристос и Орей укрепив оборону островов крепостями [76, vol. I, р. 271^{13–17}].

⁷ Традиционная для империи техника перемещения войск [76, vol. I, р. 271^{22–26}].

⁸ Согласно Пахимеру, имперский флот был включен в стратегическую операцию после захвата островов Парос, Наксос, Кос, а также эвбейских городов Каристос и Ореос [76, vol. I, р. 271^{13–17}]. По прибытию к Пелопоннесу флот был пришвартован у подконтрольного империи южного побережья Лаконии [76, vol. I, р. 273^{10–11}].

⁹ События нашли отражение в латинских источниках [58, р. 116; 83, line 4675–4677].

¹⁰ В своем сообщении о кампании Константина Пахимер упомянул о том, что его отряды проявили мужество в боях с противником. После отбытия севастократора, командование войсками было передано оставшимся полководцам [76, vol. I, р. 275^{16–27}]. Сражение в труднопроходимом месте у Макриплаги описано в «Морейской хронике» [83, line 5372–5411, 5457–5465]. О пленении Фила и Макрина сообщает Пахимер [76, vol. I, р. 275²⁷, 277^{12–14}].

¹¹ О договоре см.: [23].

¹² Уточняя местонахождение Сидерокастриона, Т. Томоски указал, что вероятно Демир Хисар – это клисура, расположенная в районе между Дебером и Прилепом [28, с. 41–43].

¹³ «καὶ ἡλίσκετο μέν Φιλιππούπολις, ἐκρατεῖτο δὲ Στενίμαχος φρούριον, καὶ ἄπας ὁ Ἐξω τοῦ Αἴμου Ζυγός συγκατείχετο. Εάλω δέ, τοῦ Μυτζῆ διδόντος, ὡς λεχθήσεται, καὶ Μεσέμβρεια μεγάλη πόλις, καὶ Ἀγχίαλος συνηλίσκετο» [76, vol. I, р. 279^{18–21}]. По мнению Д. Ангелова, болгар-

ские войска продвигались по дороге Пиргица – Факия – Виза – Константинополь [1, с. 152].

¹⁴ Описание устройства и расположения этих крепостей см.: [1, с. 153–155].

¹⁵ Данные Фила, позволяющие уточнить хронологию событий, определенным образом указывают на то, что во время похода Месемврия была захвачена после Скопье [69, vol. I, poem 237, р. 245–247, line 123–165].

¹⁶ По мнению ученого, Пахимер, описывая события, имел в виду не Съернену гору, а возведение, находящееся южнее, входившее в один горный комплекс Хемус [6, с. 505–506].

¹⁷ Описывая походы отрядов мятежников по балканским землям, Фил указывает, что ими была уничтожена так называемая Загора. Очевидно, что в этом случае речь шла об уничтожении активной линии обороны Башор во Фракии. В. Гюзелев полагает, что в 1278 г. византийцы захватили эти крепости, сделав их базой для действий против Болгар [5, с. 52–53].

¹⁸ Придерживаемся традиционной датировки [46, р. 127; 66, р. 243; 52, р. 282–285], в отличие от А. Файе, датировавшего стратегическую операцию 1273 г. [49, р. 202].

¹⁹ Ликарио – один из правителей Эвбей, владевший замком, расположенным недалеко от Каристоса. Краткую справку о нем см.: [77, N 8154].

²⁰ По сообщению Григоры, Ликарио захватил Лемнос, Хиос, Родос и поработил практических всех латинян архипелага: «προσειλήφει δὲ καὶ τὰς ἐν Αἰγαίῳ νήσους μικροῦ πάσας, Λῆμνον καὶ Χίον καὶ Ρόδον καὶ ὄσαι Λατίνοις ἔδούλευον» [54, vol. 1, р. 98^{15–17}]. Подробнее о действиях войск Ликарио рассказывает Санудо [58, р. 123–124, 127].

²¹ Татарские отряды были остановлены при Доростоле лично Ивайло [24, с. 569, 571].

²² «Εὗτάπολιν δὲ συλλαβθών Μοροβίσδον, Σκόπιά τε Σθλάβιτζαν ἐξ εὐανδρίας, Καὶ τὸν Πίαντζον καὶ τὸ περὶ τὸν Στρόμον, Καὶ τὸν περὶ Στρούμιτζαν ἀφθονον τόπον Αίρει, κεφαλὰς ὑπὸ γῆν ἀλλοτρίων, Πτέρνη παρ αὐτῶν ἀσφαλῶς τηρούμενη, Καὶ τῆς νίκης ἔπαθλον ἡ Δευνῆς πόλις» [69, vol. 2, poem 237, р. 254, line 306–312].

²³ Вопросы хронологии событий двух болгарских экспедиций в Византии имеют дискуссионный характер [10, с. 185; 21, с. 204; 30, с. 5; 62, р. 160–161].

²⁴ В частности, Кантакузин сообщает, что после захвата Пловдива Георгий II Тертер организовал грабительское нападение на Адрианополь: «ἀφικομένου δὲ μετὰ τὴν εἰρήνην εἰς Διδυμότειχον τοῦ νέου βασιλέως, ὁ Τερτερῆς ἀποστείλας στρατιὰν, τὰ περὶ τὴν Ἀδριανούπολιν κατέδραμε πολίχνια καὶ ἐληῆσατο» [57, vol. 1, р. 170^{14–17}].

²⁵ Об эффективности линейной фортификационной системы, созданной на востоке, свидетельствуют данные восточного автора, отметившего сложность продвижения войск Османа из-за многочисленных крупных и малых крепостей по реке Сангарий и по всей территории Вифинии [56, р. 83–84]. К.Фосс отметил особое стратегическое назначение в оборонительной концепции империи малоазийских крепостей: Триполис [51, S. 301], Табала [51, S. 302–303], Магнисия [51, S. 307–308], Нимфей [51, S. 311–312], Асар – Кисар [51, S. 315], укрепленной линии Каистр [51, S. 313–314]. Подробнее см.: [51].

²⁶ По тексту Пахимера см. [76, vol. I, р. 27²⁴–29¹, 31^{10–13}, 187^{4–7}, 275^{1–3}, 289^{20–21}; vol. II, р. 635^{23–33}, 637^{1–6}; vol. IV, р. 363^{9–14}, 363^{24–25}, 593^{11–16}, 635^{18–24}, 657^{25–28}].

²⁷ О разрушенном городе на берегу Меандра сообщает Пахимер [76, vol. II, р. 593^{11–14}].

²⁸ А. Файе выделил три отдельные кампании Михаила Палеолога: первая датирована исследователем ранней осенью 1280 г., вторая – весной 1281 г., третья – летом 1282 г. [49, р. 242–247].

²⁹ О масштабности и эффективности созданных Михаилом и Андроником укреплений, в частности, свидетельствуют данные Пахимера, явно указавшего на взаимосвязь разрушения укреплений по р. Меандр и р. Сангарий и проникновения армий турецких эмиров Ментеше, Эртогрула, Сасы-бея в Византию [13, с. 291].

³⁰ Э. Арвейлер считает, что захват Константинополя в 1261 г. стал отправной точкой в череде событий, определивших потерю Византией малоазийских территорий [39, р. 230]. По ее мнению, полная переориентация внешней политики империи на западное направление в период правления Михаила VIII, требовавшая сосредоточения основных военных и невоенных ресурсов, определила судьбу «византийской Малой Азии». Отсутствие должного внимания к восточным противникам позволило не только усилиться отдельным малоазийским эмирятам, но расширить их территории. В результате в первые двадцать лет XIV в. Эгейское побережье и Лидия были практически полностью завоеваны эмиром Саруханом, а Ионическое побережье с большей частью Смирны и г. Эфес отошли к Айдыноглу [39, р. 210].

³¹ Исследователь восстановила причины, ход и идеологическое обоснование одного из походов императора, основываясь на анализе письменного наследия Феодора Метохита [62, р. 78–79, note 87–93].

³² Эта территория и фема Неокастрон были подконтрольны протовестиарию Ливадарию [76, vol. III, р. 237].

³³ Об уточнении датировки событий, см.: [14].

³⁴ Х. Иналджик датировал сражение у Бафии летом (вероятно, 27 июля) 1301 г. По мнению исследователя, сражение произошло у крепости Койан-Хисари. Действия армии Османа ученый объяснил не стремлением к захвату территории с целью распространения ислама, а экономическим и военным приоритетом Никеи, необходимой для обеспечения безопасности эмирата, ввиду расположения города на стратегически важном пути передвижения военных сил и торговых караванов по Малой Азии [56, р. 93–94, 97].

³⁵ Как сообщает Акрополит, поход на Галату закончился продлением соглашения о мире с латинянами еще на один год. При этом автор указал, что это соглашение «довел[о] их (латинян. – В. З.) до крайне тяжелого положения» [53, р. 186^{21–22}].

³⁶ Подробнее, см.: [2].

³⁷ Об этом, см.: [80].

³⁸ Об объединении этих функций в институте провинциального управления см.: [79, р. 234; 67, р. 234].

³⁹ Акрит (ἀκρίτης) – собственно «пограничный воин». В отдельных пассажах употребляется в значении стратига пограничной фемы или области (от греческого ἄκρα – «край», «граница»). В последнем значении употребляли слово в военных наставлениях [12, с. 166²⁹].

⁴⁰ Пахимер прямо сообщает о применении восточных войск на западном театре военных действий, характеризуя состав войска Иоанна Палеолога [76, vol. II, р. 403^{9–16}].

⁴¹ Подробнее, см.: [7].

⁴² Об этом: [38, р. 125–127; 62, 187sq.; 45, р. 79sq.].

⁴³ «Ἡ βασιλείᾳ μου ἀποχαρίζεται... τὸ επικέιμενον αὐτῷ χάριν σιταρκίας ὑπέρπυρον ἔν καὶ διορίζεται... μηδόλως ἀπατεῖσθαι τοῦτο παρὰ τῶν κατὰ καιροὺς ποιουμένων τὴν τῆς σιταρκίας ἀπαίτησιν ἐν τῇ χώρᾳ τῆς Σμύρνης δικαίῳ τοῦ δημοσίου» [31, t. IV, № VIII, р. 45]. В простагме император освобождается от ситаркии в размере трех номизм хиосский Νέα μονή: «ώς καὶ τὰ ἐπικείμενα αὐτῇ τρία νομίσματα ὑπὲρ τοῦ κεφαλαίου τῆς σιταρκίας χάριν τῶν ἐξ ἀγορασίας περιελθόντων τῇ τοιαύτῃ μονῇ χωραφίων» [31, t. V, № VII, р. 13].

⁴⁴ О месте ситаркии в податной системе Поздней Византии см.: [11, с. 120, 122, 132, 142, 148]. Справку о понимании ситаркии позднего периода, см.: [88, с. 239, № 1050].

⁴⁵ Также об аналогичном мероприятии Иоанна III Ватаца см.: [76, vol. I, р. 187^{12–16}].

⁴⁶ Пахимер указал, что земли были распределены между людьми, ранее жившими у моря, телематариями и монастырями [76, vol. I, р. 221^{18–24}].

⁴⁷ Пахимер прямо указывает на то, что собранные припасы служили для обеспечения гарнизона крепости [76, vol. I, р. 99^{6–11}].

⁴⁸ Например, см.: [76, vol. III, р. 257^{11–15}; vol. IV, р. 341^{4–5}, 437^{6–29}, 457^{22–24}–459^{16–19}, 479^{23–28}, 481^{1–4}, 547^{30–32}, 549^{1–3}].

⁴⁹ Об опсонии как виде солдатского жалования и продовольственной пошлины, взимаемой за рыбную ловлю, см.: [71, р. 1529].

⁵⁰ Отметим, что из упомянутых в источниках великих стратопедархов, только Иоанн Синадин [76, vol. II, р. 527^{8–10}], Ливадарий [76, vol. III, р. 257] и Андроник Палеолог [57, vol. I, р. 146^{4–149²}] лично принимали участие в обеспечении снабжением воинов и организации фортификационных мероприятий.

⁵¹ Пахимер, в частности, сообщает, что разрушения были столь велики, что император опасался вторжения латинян [76, vol. II, р. 469^{6–469¹²}].

⁵² Как мы уже упоминали, А. Файе выделил три отдельные кампании Михаила Палеолога [49, р. 242–247]. В то же время, следуя данным Пахимера, М. Бартусис указывал на проведение двух экспедиций в районе бассейна р. Сангарий, в перерыве между которыми император отбывал в столицу [45, р. 64]. Полагаем, что, учитывая цель и территорию действий, уместнее говорить об одном восточном военном походе, в рамках которого последовательно было организовано несколько кампаний.

⁵³ Потребность в периодическом обновлении элементов линейной фортификационной системы подтверждается сообщением Пахимера о разрушении крепостей и засек по берегам в периоды разливов рек. Перевод указанного пассажа с подробным комментарием был осуществлен Д.А. Коробейниковым [13, с. 288, прим. 6].

⁵⁴ О строительстве стены в одном из стихотворений упоминает Мануил Фил: «Καὶ τεῖχος αὐτοῖς ἐμποδὼν στήσας μέγα, Μή τις καθ' ἡμῶν δυσμενῆς ἐπιτρέχοι, Μᾶλλον δὲ τοῖς χάραξι τοῦ μεταιχμίου Παντὸς κεφαλὴν δυσμενοῦς διακλάσας, Πώς οὐχὶ κάμοψ τοὺς δριψεῖς εἴρξεις πόνους Τὸ κέρδος ἐνθεὶς καὶ χρυσοῦν τεῖχος κτίσας» [69, vol. II, poem 207, р. 219, line 20–25].

REFERENCES

- Angelov D., Cholpanov B. *Bulgarska voenna istorija prez srednovekovieto: X–XV vek*. [Bulgarian Military History through the Middle Ages: 10th–15th Centuries]. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences, 1994. 329 p.
- Barabanov N.D., Zolotovskiy V.A. *Vzyatie Konstantinopolya v 1261 g.: sluchaynost ili zakonomernost?* [The Recapture of Constantinople in 1261:

An Accident or a Pattern?]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Серия 4. История. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 6, pp. 270-283. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.6.20>

3. Borovkov D.S. *Sistema materialnogo snabzheniya i tylovogo obespecheniya vizantiyskih vooruzhennyh sil v IX–XI vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [The System of Material Supply and Logistics of the Byzantine Armed Forces During the 9th–11th Centuries. Cand. Hist. sci. diss.]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2013. 278 p.

4. Vin Yu.Ya. *Ukreplennye sela srednevekovoy Vizantii: gorod ili derevnya?* [Fortified Villages of Mediaeval Byzantium: Town or Village?]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Серия 4. История. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 6, pp. 194-223. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.6.17>

5. Gyuzelev V. *Yambol v epokhata na Pervata i Vtorata bulgarska derzhava* [Yambol in the Period of the First and Second Bulgarian Power]. *Istoriya na grad Yambol* [History of Yambol City]. Sofia, Izd-vo na Otechestveniya front, 1976, pp. 43-69.

6. Zlatarskiy V.N. *Istoriya na balgarskata derzhava prez srednite vekove. T. III: Vtoro balgarsko tsarstvo. Bulgariya pri Asenevtsi (1187–1280)* [History of the Bulgarian Power During the Middle Ages. The Second Bulgarian Empire. Bulgaria Under the Asen Dynasty (1187–1280)]. Sofia, Nauka i iskusstvo Publ., 1972. 656 p.

7. Zolotovskiy V.A. *K istorii vizantiyskoy armii v XIII v. Reforma akritskoy sluzhby Mikhaila VIII Paleologa* [To a History of the Byzantine Army in 13th Century. The Reform of Akrites (Frontier Guards) Service During Michael VIII Paleologan's Board]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshhestvennye nauki* [Bulletin of Higher Education Institutes. North Caucasus Region. Social Sciences], 2009, no. 6, pp. 66-70.

8. Zolotovskiy V.A. *Proniya v voennoy organizatsii Vizantii rannepaleologovskogo vremeni. Chast 2 [Pronoia in the Military Organization of the Byzantine Empire at Early Palaeological Period. Part 2]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Серия 4. История. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2016, vol. 21, no. 2, pp. 40-51. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.2.3>

9. Zolotovskiy V.A. *Femnaya sistema i provincialnye vooruzhennye sily Vizantii rannepaleologov-*

skogo perioda (1259–1328) [The Theme System and Byzantine Provincial Armed Forces at the Early Palaeological Period (1259–1328)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Серия 4. История. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 6, pp. 231-244. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.6.18>

10. Irechek K. *Istoriya na bulgarite. Popravki i dobavki ot avtora* [History of the Bulgarians. Corrections and Additions by the Author]. Sofia, BAN, 1939. 348 p.

11. Kazhdan A.P. *Agrarnye otnosheniya v Vizantii XIII–XIV vv.* [Agrarian Relations During 13th – 14th Centuries of Byzantium]. Moscow, Izd-vo Acad. nauk SSSR, 1952. 244 p.

12. Litavrin G.G., ed. *Kekavmen. Sovety i rasskazy: Pouchenie vizantijskogo polkovodца XI veka* [Kekavmen. Advice and Stories: The Teachings of the Byzantine Commander of the 11th Century]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2003. 711 p.

13. Korobeynikov D.A. Iz «Syngraphikon historion» Georgiya Pakhimera [From “The History” of George Pachymeres]. *Vizantiiskii vremennik*, 2000, vol. 59 (84), pp. 288-292.

14. Lysikov P.I. *Pisma Maksima Planuda k Alekseyu Filanfropinu i Melkhisedeku Akropolitu: problemy istochnikovedeniya v kontekste voenno-politicheskoy situatsii v Vizantii v kontse XIII veka* [The Letters of Maximos Planudes to Alexios Philanthropenos and Melchisedek Akropolites: The Problems of Source Studies in the Context of the Politico-Military Situation in Byzantium in the Late 13th C.]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Серия 4. История. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 5, pp. 271-287.

15. Maksimović L. *Vizantijska provincijska uprava u doba Paleologa* [Byzantine Provincial Administration in the Paliologian Period]. Belgrade, Int-vizantovediya Serbskoy akad. nauk, 1972. 199 p.

16. Medvedev I.P. *Mistra: ocherki istorii i kultury pozdnevizantijskogo goroda* [Mystra: Essays on the History and Culture of the Late Byzantine City]. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad Branch 1973. 163 p.

17. Mokhov A.S. *Komandniy sostav vizantijskoy armii v pravlenie Konstantina VIII* [The Commanding Staff of the Byzantine Army During the Reign of Constantine VIII]. *Antichnaya drevnost i srednie veka*, 1997, vol. 28, pp. 19-33.

18. Mokhov A.S. *Komandnyy sostav vizantijskoy armii v XI v.: pravlenie Romana III Argira (1028–1034)* [The Commanding Staff of the Byzantine Army in the 11th Century: The Reign of Roman III Argyrus

- (1028–1034)]. *Antichnaya drevnost i srednie veka*, 2000, vol. 31, pp. 173–197.
19. Mokhov A.S. *Vizantiyskaya armiya v seredine VIII – seredine IX v.: razvitiye voyenno-administrativnyh struktur* [The Byzantine Army in the Middle of the 8th – Middle of the 9th Century: The Development of Military-Administrative Structures]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. feder. un-ta, 2013. 278 p.
20. Mutafchiev P. Voynishki zemi i voynitsi v Vizantiya prez XIII–XIV v. [Soldiers Lands and Soldiers in Byzantium During the 13th – 14th Centuries]. *Spisanie na Balgarska Akademiya na naukite* [Journal of the Bulgarian Academy of Sciences]. Sofia, 1923, vol. 27, pp. 1–113.
21. Mutafchiev P. *Istoriya na bulgarskiy narod. T. 2* [History of the Bulgarian People. Vol. 2]. Sofia, Hemus, 1943. 329 p.
22. Ovcharov D.S. *Vizantiyski i balgarski kreposti V–X vek* [Byzantine and Bulgarian Fortresses]. Sofia, BAN, Arheolog. in-t s museyem, 1982. 368 p.
23. Petkova I. K voprosa za balgarsko-nikeyskiy miren dogovor ot 1256 g. [On the Issue of the Bulgarian-Nicaea Peace Treaty of 1256]. *Trudove na Veliko-Tirnovskiya Universitet «Kiril i Metodiy». Istoricheski fakultet. Veliko Tarnovo* [Works of Veliko Tarnovo University “Cyril and Methodius”. History Department]. Veliko Tarnovo, Un-t Sv. Kirilla i Metodiya, 1979, pp. 61–80.
24. Petrov P. Bolgaro-vizantiyiske otnosheniya prez vtorata polovina na XIII v., otrazeni v poemata na Manuil Fil. Za voennite podvizi na izvestniya chutoven protostrator [Bulgarian-Byzantine Relations in the Second Half of the 13th Century, Reflected in the Poem by Manuel Phil. About the Military Exploits of the Famous Heard Protostrator]. *Izvestiya na Instituta za bulgarska istoriya*, 1956, vol. 6, pp. 545–576.
25. Plyakov Z. Aspekty tipizatsii vizantiyskikh gorodov v XIII–XIV vv. [The Aspects of the Typification of Byzantine Cities During the 13th – 14th Centuries]. *Bulgarian Historical Review*, 1997, vol. 25/2–3, pp. 132–137.
26. Radić R. Vizantiyskiy voyskovoda Aleksey Filantropin [The Byzantine Commander Aleksei Philanthropin]. *Zbornik radova Vizantološkog instituta*, 1998, t. XXXVII, pp. 97–109.
27. Seren E.A. Bitva pri Dirrakhii – klyuch k balkanskoy operatsii normannov protiv Vizantii (18 oktyabrya 1081 g.) [The Battle of Dyrrachium – The Key to the Balkan Operation of the Normans against Byzantium (October 18, 1081)]. *Antichnaya drevnost i srednie veka*, 1999, vol. 30, pp. 169–175.
28. Tomoski T. Beleshki po povod voeniot pokhod na Andronik III vo Makedoniya vo 1330 g. [Notes on the Occasion of Andronikos' Military Campaign in Macedonia in 1330]. *Godishen zbornik na filozofskiot fakultet na Universitetot vo Skopje* [Annual Collection of the Faculty of Philosophy of the University in Skopje], 1964, t. 16, pp. 41–44.
29. Khvostova K.V. Nekotorye voprosy istorii immunitetnyh gramot makedonskih monastirey v XIV v. [Some Issues of the History of the Immunity Charters of the Macedonian Monasteries in the 14th Century]. *Vizantiiskiy vremennik*, 1961, vol. 19, pp. 38–59.
30. Tsvetkova B. Balgaro-vizantiyiske otnosheniya prez tsaruvaneto na Teodor Svetoslav [Bulgarian-Byzantine Relations During the Reign of Teodor Svetoslav]. *Izvestie na seminarite pri IFF na Universitet «Kliment Ohridski»* [News at the Seminary at the IFF at the Sofia University “St. Kliment Ohridski”], 1948, vol. III/1–2, pp. 3–25.
31. Miklosich F., Müller J., eds. *Acta et diplomata graeca medii aevi*. T. III. Vindobonae, C. Gerold, 1865. 393 p.; T. IV. Vindobonae, C. Gerold, 1871. 441 p.; T. V. Vindobonae, C. Gerold, 1887. 479 p.
32. Zivojinovic M., Kravari V., Giros Chr., eds. *Actes de Chilandar. Texte. Vol. 1*. Paris, P. Lethielleux, 1998. XX, 363 p.
33. Lefort J., ed. *Actes d’Esphigménou. Texte*. Paris, P. Lethielleux, 1973. XIV, 250 p.
34. Lemerle P. ed. *Actes de Kutlumus. Texte*. Paris, P. Lethielleux, 1988. 478 p. (Archives de l’Athos; t. 2/2).
35. Kravari V., ed. *Actes du Pantocrator*. Paris, P. Lethielleux, 1991. 232 p. (Archives de l’Athos; t. 17)
36. Bompaire J., Lefort J., Kravari V., Giros Chr., eds. *Actes de Vatopedi. Texte. Vol. 1*. Paris, P. Lethielleux, 2001. XIX, 475 p.
37. Lefort J., Kravari V., Giros Chr., Smyrlis K., eds. *Actes de Vatopedi. Texte. Vol. 2*. Paris, P. Lethielleux, 2006. XVIII, 525 p.
38. Ahrweiler H. L’histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations turques (1081–1317) particulièrement au XIIIe siècle. *Ahrweiler H. Byzance: les pays et les territoires*. London, Variorum Reprints, 1976, pp. 1–204.
39. Ahrweiler H. La frontière et les frontières de Byzance en Orient. *Actes du XIVe congrès international des études Byzantines. Vol. 1*. Bucarest, 6–12 septembre 1971. Bucuresti, Editura Academiei Republicii Socialiste Romania, 1974, pp. 209–230.
40. Lefort J., Oikominides N., Papachryssanthou D., eds. *Actes D’Iviron. T. 3. De 1204 à 1328*. Paris, P. Lethielleux, 1994. 412 p. (Archives de l’Athos; t. 18).
41. Asdracha C. Les Rhodopes dans la deuxième moitié du XIIIe siècle: prosopographie. *Revue des études byzantines*, 1973, vol. 31, pp. 275–297.
42. Asdracha C. Les Rhodopes au XIVe siècle. Histoire administrative et prosopographie. *Revue des études byzantines*, 1976, vol. 34, pp. 175–209.
43. Bartusis M. A Note on Michael VIII’s 1272 Prostagma for His Son Andronikos. *Byzantinische Zeitschrift*, 1988, Bd. 81, S. 268–271.

44. Bartusis M. The Kavallarioi of Byzantium. *Speculum*, 1988, vol. 63, pp. 343-350.
45. Bartusis M.C. *The Late Byzantine Army: Arms and Society, 1204–1453*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1992. XVII, 438 p.
46. Chapman C. *Michel Paléologue, restaurateur de l'Empire byzantin (1261–1282)*. Paris, E. Figuière, 1926. 204 p.
47. Charanis P. On the Social Structure and Economic Organization of the Byzantine Empire in the Thirteenth Century and Later. *Byzantinoslavica*, 1951, vol. XII, fasc. 1-2, pp. 94-153.
48. Failler A. Chronologie et composition dans l'histoire de Georges Pachymère. *Revue des études byzantines*, 1980, t. 38, pp. 5-103.
49. Failler A. Chronologie et composition dans l'histoire de Georges Pachymère. *Revue des études byzantines*, 1981, t. 39, pp. 145-249.
50. Ferjančić B. Quelques significations du mot stratiote dans les chartes de Basse Byzance. *Zbornik radova Vizantološkog instituta* [Collection of Works of Institute of Byzantine Studies], 1982, t. 21, pp. 95-102.
51. Foss C. Late Byzantine Fortifications in Lydia. *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 1982, Bd. 32/2, S. 297-318.
52. Geanakoplos D. *Emperor Michael Palaeologus and the West, 1258–1282: A Study in Byzantine-Latin Relations*. Cambridge, HUP, 1959. XII, 434 p.
53. Heisenberg A., ed. Georges Acropolites. *Historia. Georgii Acropolitae opera. Vol. 1*. Stuttgart, In aedibus B.G. Teubneri, 1903, pp. 1-198.
54. Schopen L., Bekker I., eds. *Gregorius Nicephorus. Historia Romana. In 3 Vols.* Vol. 1. Bonn, Weber, 1829. 568 p.; Vol. 2. Bonn, Weber, 1830. pp. 571-1146; Vol. 3. Bonn, Weber, 1855. 567 p.
55. Hopwood K.R. The Byzantine-Turkish Frontier, c. 1250–1300. *Acta Viennensia Ottomanica: Akten des 13. CIEPO-Symposiums*. Wien, 1999, pp. 153-161.
56. Inalcik H. Osman Ghazi's Siege of Nicaea and the Battle of Bapheus. Zachariadou E.A., ed. *The Ottoman Emirate: 1300–1389*. Rethymnon, Crete University Press, 1993, pp. 77-99.
57. Schopen L., ed. *Ioannis Cantacuzeni eximperatoris Historiarum*. Vol. I. Bonna, Weber, 1828. 560 p.; Vol. 2. Bonn, Weber, 1831. 615 p.
58. Hopf C., ed. *Istoria del regno di Romania sive Regno di Morea composla per Marino Sanudo. Chroniques Gréco-Romanes*. Berlin, Weidmann, 1973, pp. 99-170.
59. Kyriakidis S. The Division of Booty in Late Byzantium (1204–1453). *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, 2009, Bd. 59, S. 163-175.
60. Kyriakidis S. *Warfare in Late Byzantium, 1204–1453*. Boston, Brill, 2011. 272 p.
61. Polidori-Galvani F.L., ed. *La Cronique des Venéciens de maistre Martin da Canal. Archivio storico Italiano*, 1845, t. VIII, pp. 229-798.
62. Laiou A.E. *Constantinople and the Latins: The Foreign Policy of Andronicus II, 1282–1328*. Cambridge, Harvard Univ. Pr., 1972. XII, 390 p.
63. Lefort J. Habitat fortifiés en Macédoine orientale au Moyen Âge. *Castrum I. Habitats fortifiés et organisation de l'espace en Méditerranée médiévale. Table ronde tenue à Lyon les 4 et 5 mai 1982. Actes recueillis et publ. par André Bazzana, Pierre Guichard et Jean-Michel Poisson*. Lyon, Maison de l'Orient et de la Méditerranée Jean Pouilloux, 1983. 224 p. pp. 99-103.
64. Lefort J., Martin J.M. L'organisation de l'espace rural: Macédoine et Italie du Sud (X–XIIIe siècle). Kravari V., Lefort J., Morrisson C., eds. *Homme et richesses dans l'Empire byzantin. Vol. 2*. Paris, P. Lethielleux, 1991, pp. 11-26.
65. Lemerle P. *L'Emirat D'Aydin Byzance et L'Occident*. Paris, Presses universitaires de France, 1957. 276 p.
66. Longnon J. *L'empire Latin de Constantinople et la principauté de Morée*. Paris, Payot, 1949. 363 p.
67. Magdalino P. *The empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993. XIX, 557 p.
68. Treu M., ed. *Manuelis Holoboli Orationes. Programm des Königlichen Victoria-Gimnasiums zu Potsdam, Ostern, 1906/1907. Bd. 2*. Potsdam, s.n., 1907, S. 30-98.
69. Miller E., ed. *Manuelis Philae carmina ex codicibus escurialensis, florentinis, parisinis et vaticanicis*. Vol. I. Parisius, Typ. imperialis, 1855. 460 p.; Vol. II. Parisius, Typ. imperialis, 1857. XX, 496 p.
70. Matschke K.-P. The Late Byzantine Urban Economy, Thirteenth–Fifteenth Centuries. Laiou A.E., ed. *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century. Vol. 2*. Washington (D.C.), Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002, pp. 463-495.
71. McGeer E. Opsonion. *The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 3*. New York; Oxford, Oxford University Press, 1991, p. 1529.
72. Nicol D. The Date of the Battle of Pelagonia. *Byzantinische Zeitschrift*, 1956, Bd. 46, S. 68-71.
73. Nicol D.M. *The Despotate of Epiros, 1267–1479: A Contribution to the History of Greece in the Middle Ages*. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 1984. XIII, 297 p.
74. Oikonomides N. A propos des armées des premiers Paléologues et des compagnies de soldats. *Travaux et Mémoires*, 1981, vol. 8, pp. 353-371.
75. Oikonomides N. The Role of the Byzantine State in the Economy. *The Economic History of Byzantium*.

- tium: From the Seventh through the Fifteenth Century. Vol. 3. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2002, pp. 973-1058.
76. Failler A., Laurent V., eds. *Pachymérès Georges. Relations historiques*. Vol. I. Liv. I-III. Paris, Les belles lettres, 1984. 325 p.; Vol. II. Liv. IV-VI. Paris, Les belles lettres, 1984, pp. 328-667; Vol. III. Liv. VII-IX. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999. 305 p.; Vol. IV. Liv. X-XIII. Paris, Inst. fr. d'ét. byz., 1999, pp. 306-727.
77. Trapp E., Walther R., Beyer H.-V., eds. *Proso-pographisches Lexikon der Palaiologenzeit. CD-ROM Version*. Wien, Verl. d. Österr. Akad. d. Wiss., 2001. 1 CD-ROM.
78. Verpeaux J., ed. *Pseudo-Kodinos. Traité des offices*. Paris, Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1966. 420 p.
79. Şesan M. *Impărătirea administrativă a imperiului bizantin în timpul Comnenilor și Angelilor (1081–1204)*. Cernăuți, Tipografia Mitropolitul Silvestru, 1942. 698 p.
80. Şesan M. Les themes Byzantins à l'époque des Comnènes et des Anges (1081–1204). *Revue historique du sud-est européen*, 1978, vol. XVI/1, pp. 47-51.
81. Smyrlis K. Estate Fortifications in Late Byzantine Macedonia: The Athonite Evidence. *Hinter den Mauern und auf dem offenen Land. Leben im Byzantinischen Reich*. Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2016, S. 189-205.
82. Heisenberg A. ed. Theodorus Scutariota. Historia. Additamenta ad Georgii Acropolitae historiam. *Georgii Acropolitae opera. Vol. 1*. Stuttgart, In aedibus B.G. Teubneri, 1903, pp. 275-302.
83. Schmitt J., ed. *The Chronicle of Morea. To Chronikon tou Moreōs*. London, Methuen & Co., 1904, XCII, 640 p.
84. Dennis G., ed. *The Taktika of Leo VI*. Washington, DC, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2010. 690 p. (Corpus fontium historiae Byzantine; vol. XLIX).
85. Trojanos S. *Kastroktisia. Byzantina*, 1969, vol. 1, pp. 39-57.
86. Wittek P. *Das Fürstentum Mentesche. Studie zur Geschichte Westkleinasiens im 13-15. Jahrhunderts*. Istanbul, Universum Druckerei, 1934. XIV, 192 S.
87. Karagiannopoulos I. *Symbolē sto problema tēs stratiotikēs «pronoias» kata tēs epochē tōn Palaiologōn* [Contributing to the Problem of Soldier “Pronoia” During the Period of Paleologos]. Thessalonica, Editions Vania, 1998. 50 p.
88. Kontogiannopoulou A. *Ē esoterikē politikē tou Andronikou II Palaiologou (1282–1328). Dioikese – Oikonomia* [The Domestic Policy of Andronikos II Palaiologos (1282–1328). Administration – Economics]. Thessaloniki, Kentro Byzantinon Ereunon Publ., 2004. 351 p. (Byzantina keimena kai meletai [Byzantine Texts and Studies]; vol 36).
89. Kontogiannopoulou A. Poleis kai politikē antiparathesē sto Byzantio ton 14o aiōna [Cities and Political Confrontation in Byzantium in the 14th Century]. *Praktika diethnous epistēmonikou symposiou pros timēn tou omotimou kathēgētē Geōrgiou Belenē, Thessalonikē, 4–7.10.2017* [Proceedings of the International Symposium in Honor of Emeritus Professor George Velenis, Thessaloniki, 4–7/10/2017]. Athens, s.n., 2021, pp. 269-274.

Information About the Author

Vladimir A. Zolotovskiy, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>

Информация об авторе

Владимир Алексеевич Золотовский, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, zolotovskiy.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4259-8851>